

[Социологические исследования](#), № 6, Июнь 2010, С. 13-22

ЭМОЦИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Автор: М. Ю. ГОРБУНОВА, Л. А. ФИГЛИН

ГОРБУНОВА Марина Юрьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета (E-mail: margor7@yandex.ru). ФИГЛИН Лев Аронович - доктор социологических наук, профессор того же университета (E-mail: figlev@yandex.ru).

Аннотация. Авторы обобщают результаты теоретических исследований эмоций (начиная с трудов классиков и заканчивая современными социологами), а также формулируют направления дальнейших социологических исследований этого феномена.

Ключевые слова: эмоции * эмоциональные явления * структура эмоций * макросоциологический аспект эмоций

В социальном мире любая объективная ситуация становится предметом эмоциональной реакции только тогда, когда ей придается определенный смысл. В конце XX столетия появляются серьезные попытки провести научный анализ эмоций с точки зрения социологической науки. Данная категория привлекала к себе различную степень внимания социологов: от полного игнорирования до обстоятельного изучения. В становлении социологического интереса к эмоциональным явлениям условно можно выделить три основных периода: 1) возникновение внимания к роли эмоциональных явлений в социальных процессах общества; 2) снижение интереса к объяснительной ценности эмоций и доминирование идей рациональности в социологических теориях (однако, как только исследователи пытались объяснить механизмы, объединяющие людей в группы, они с неизбежностью сталкивались с эмоционально окрашенными

категориями); 3) возобновление исследований эмоций как социологической категории. Рассмотрим далее значимые теоретические положения их социологического знания.

В первых социологических работах эмоциям как научной категории, объясняющей социальные явления, уделяется достаточно много внимания. В первую очередь интерес исследователей был связан с определением роли эмоций в больших социальных группах. Основной акцент делался на патологических проявлениях, которые имели разрушительные последствия (например, известная работа XIX в. Гюстава Ле Бона "Толпа"). Интерес к эмоциям проявлялся в основном в рамках психологической социологии, получившей распространение в конце XIX - начале XX в. При всей ограниченности этого подхода его заслугой явилось то, что авторы открыто поставили вопрос о роли эмоций в социальных процессах и необходимости их изучения не только в рамках психологической науки. В теориях инстинктивизма в социологии делался акцент на важные стороны человеческой психики как основы поведения людей.

У. Мак-Дугалл стремился создать психосоциальную систему общественных наук, в которой базисом была бы психология, при этом главной "надстройкой" наукой он считал социологию. Соединяя её с психологией, учёный разрабатывал социально-психологическую теорию личности, где в качестве основной движущей силы поведения индивида рассматривались неосознаваемые инстинкты, стремления, импульсы. С первичными инстинктами (простыми и неразложимыми) тесно связаны эмоции. "Так, инстинкту бегства соответствует эмоция страха, инстинкту любопытства - эмоция удивления, инстинкту драчливости - эмоция гнева, родительскому инстинкту - эмоция нежности и т.д." [1, с. 61]. По мнению У. Мак-Дугалла, простые эмоции объединяются в сложные, иерархически соотносящиеся группы, на основе которых происходят (возникают) чувства. Он специально выделял "эготическое" чувство (от лат. ego - Я), что подчеркивало его доминирующую роль в характере человека.

Использование категории эмоций для объяснения социальных процессов и отношений также встречается в трудах Ф. Тённиса, Ф. Гиддинга, П. А. Сорокина, Л. И. Петражицкого. Дальнейшее развитие социологической мысли в XX веке связано с усилением идей рациональности, в том числе и в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса. Однако некоторые эмоциональные проявления, возникающие в социальных отношениях, были отмечены и рассмотрены в классических работах социологов первой половины XX века.

Наряду с такими идеальными концепциями социального действия как целерациональное, ценностно-рациональное и традиционное, М. Вебер выделял аффективный тип, то есть действие, обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида [2]. Однако эта категория практически не использовалась им в эмпирической работе. Вместе с тем, используемое М. Вебером понятие аффективного ориентирования сознания обладает выраженным психологическим содержанием (он не затрагивал социальных условий, которые становятся причиной определенных эмоций субъекта). Кроме того, аффективная ориентация сознания трактуется М. Вебером как казуальный тип целенаправленной ориентации действий индивида (здесь эмоции представляют собой специфическую форму конструкции мира). В лекциях по социологии религии М. Вебер, хотя и затрагивает область эмоций, не проводит их категориального анализа. Однако из работ, касающихся протестантизма, можно отфильтровать материал по культурному кодированию эмоций. Реконструкция М. Вебером картины мира, которая дается в труде "Протестантская этика и дух капитализма", показывает со всей очевидностью, как новое культурное толкование внутреннего и внешнего мира стоит в причинной взаимосвязи с развитием западного рационализма.

Э. Дюркгейм, не обращаясь к анализу эмоций напрямую, тематизирует эмоции по следующим пунктам: 1. Эмоции самоубийц (рассматривает связь, существующую между социальными условиями жизни и определенными чувствами индивидов и их действиями, то есть социальное рассматривается как причина эмоционально окрашенных переживаний [3]). 2. Проводя анализ причин возникновения религий, Дюркгейм пытается определить, каким образом социальное конструируется через эмоциональ-

ное, посредством концепции солидарности. Он рассматривает эмоции в многообразии их проявления, выступающих как конструктивная форма социальной действительности [4].

Г. Зиммель уверенно заявляет, что эмоции нуждаются в серьезном социологическом анализе [5]. Он различает две возможные перспективы исследования эмоций. К первой относятся социальные отношения, продуцирующие специфические (вторичные) эмоции. Вторичные эмоции являются психическими реакциями на возникающие разногласия между оценочными структурами и социальными раздражителями. Вторую перспективу Г. Зиммель определяет понятием первичных эмоций. Под первичными эмоциями понимаются конструктивные формы чувств, разделяющие социальную действительность на важное и неважное для индивида.

Все психологические внутренние переживания, интересы, импульсы, цели, стремления, - то из чего складывается взаимодействие с другими людьми, Зиммель называет содержанием, то есть материей "обобществления" - т.е. социального. Сама материя не социальна, равно как и голод, учение, любовь тоже не являются социальными. Они становятся таковыми только после того, как станут причиной взаимодействия людей и обретут социальный характер, преобразуя изолированное существование индивидов в форму совместного существования [5]. Интерпретируя теоретические положения Зиммеля, можно сказать, что эмоции как переживания, присущие отдельной личности, вплетаясь в ткань социального взаимодействия, переходят в разряд надиндивидуальных явлений, а значит, могут быть подвергнуты социологическому анализу.

В последующих работах учёные все чаще привлекают эмоции для анализа социологических категорий. Так, работы Н. Элиаса "Придворное общество" и "Процесс цивилизации" представляют собой теоретико-эмпирическое исследование общественных и личностных структур. Н. Элиас вводит понятие "дисциплина эмоций", которое трактуется как неизбежный компонент человеческого общества независимо от исторической ступени развития. Та же самодисциплина и "аффективная отстраненность" составляют необходимые условия социального исследования [6].

Концептуальное оформление эти идеи приобретают в предложенном Элиасом понятии исторического контура, которое в некотором смысле созвучно современному представлению о парадигме. Смена исторических контуров любого общества есть процесс взаимного изменения двух типов структур - социальных и индивидуально-личностных. Он показал, как по мере централизации государственной власти происходит постепенное изменение социально-психологических стереотипов эмоционального поведения. Приоритетную роль в организации поведения стала играть "эмоциональная самодисциплина", без которой немислимы были бы амбивалентные и многоступенчатые отношения внутри новых социальных структур. Работы Н. Элиаса показывают: развитие общества привело к тому, что эмоции перестали быть только рефлекторной психофизиологической реакцией организма, которая исследуется в рамках психологической науки. Культура и социальная структура общества задают эмоциональные фреймы, усваиваемые человеком в процессе социализации и влияющие как на социальное взаимодействие, так и на социальные процессы.

Необходимо отметить, что эмоциям присущи две основные социальные функции. Во-первых, эмоции структурируют социальные ситуации, определяя позицию индивида в социальной среде через ненависть и любовь, через страх и доверие, закрепляя границу между внутригрупповым и внегрупповым, между другом и врагом и т.д. Во-вторых, сами эмоции являются внутренними ресурсами индивида, которыми можно обмениваться. Эмоции образуют мотивационный базис социального действия и служат связующим звеном между окружающим миром, событиями, происходящими в нём, и внутренними структурными особенностями отдельного индивида. Эмоции, на наш взгляд, не только участвуют в мотивации и активизации мыслительной деятельности, но также входят в её структуру, выполняя в ней функции эвристического порядка.

Категориальное различие между эмоциональным и функциональным освоением мира состоит в том, что эмоции представляют собой синхронную форму конструиро-

вания мира, а процесс познания - последовательный вид его понимания, т.е. эмоции составляют форму переживания, а способность человека говорить и осваивать мир с помощью языкового структурированного процесса познания, даёт ему возможность последовательного доступа к миру.

Кросскультурные исследования доказывают не только универсальность таких базисных эмоций, как радость, печаль, гнев, удивление, отвращение, но и их культурную вариабельность. Одно и то же событие в разных культурах может иметь различные значения и вести к появлению и выражению разнообразных эмоций. Так каждая культура имеет свои изобразительные правила для выражения чувств. Общим для всех культур является то, что эмоции проявляются невербально. Когнитивность же находит языковые выражения, отчасти сама структурируется в языке.

По мнению Н. Лумана, наряду с мимикой и жестами, язык выступавший как важнейшее средство общения и как связующее звено между человеком и окружающей средой являлся главным средством общественной конструкции действительности. Третье средство - символически обобщенные средства коммуникации, которые Н. Луман характеризует как специфические чувства, осуществляющие передачу высокосодежательной информации. Они являются своеобразным дополнением к языку, выравнивая его отрицательный потенциал и изменчивость [7].

Н. Луман делает вывод, что коммуникативные средства конструирования социальной действительности - когнитивность, эмоции, невербальные формы и язык могут быть представлены в форме переменной величины с учётом специфики каждого средства. Эмоции и их выражение в невербалике характеризуются параллельностью, многослойностью качеств. Когнитивность и язык обладают последовательностью, универсальностью, спецификацией и перформативностью. Символически обобщенные средства коммуникации получают во всех измерениях высокую степень выражения. С точки зрения Н. Лумана, когнитивная ориентация действия, язык, средства коммуникации нуждаются в эмоциональном наполнении и раскрытии.

Развитию современного изучения эмоций способствовали идеи символического интеракционизма Дж. Мида, Г. Блумера и И. Гофмана. Интеракционистская модель, учитывая биологические основы эмоций, рассматривает социальные аспекты их возникновения и протекания. Социальные факторы исследуются не просто как стимулы, проявляющиеся до или после эмоций, а в режиме взаимодействия на протяжении всего эмоционального переживания.

Дальнейшее развитие идеи эмоциональности получили в теории социального конструктивизма, где эмоции рассматриваются в качестве социального конструкта (чувства людей обусловлены социализацией в культурной среде и практиками в социальной структуре). Культурная идеология, верования и нормы, являясь частью социальной структуры, определяют, какие эмоции должны быть пережиты и как эти культурно определенные эмоции должны быть выражены. Крайнее выражение данного подхода проявляется в утверждении, что все эмоции социально сконструированы.

Например, С. Гордон утверждает, что источником эмоций являются не биологические, а социальные процессы. Члены общества обучаются от других словарю (лингвистические ярлыки), выразительному поведению и значению каждой эмоции в связи с различными типами социальных отношений. Так, ревность сигнализирует о вторжении другого в значимые отношения; гнев маркирует вред, нанесенный другим; горе свидетельствует о потере значимого другого; благодарность обозначает признательность за помощь, которую оказал другой человек. Таким образом, делает вывод С. Гордон, эмоции возникают в связи с ситуациями (которые являются глубоко социальными) и с людьми (обладающими определенными знаниями относительно эмоций и их использования в различных типах социальных отношений) [8].

Культурно одобренные лингвистические ярлыки, к которым люди обращаются, описывая эмоциональное состояние, - важный элемент конструктивистской теории. Гордон отмечает, что эмоциональные состояния социально интерпретированы и основаны на словаре чувств, который развивался в обществе. С его точки зрения факто-

рами возникновения лингвистических эмоциональных ярлыков являются: (1) общий жизненный опыт; (2) сосредоточенность на существенных моментах социального взаимодействия и (3) наличие различных эмоциональных единиц. Современный язык содержит сотни названий эмоций. И он гораздо меньше, чем диапазон внутренних ощущений, которые человек может отличить, или разнообразных выражений лица, которые он может узнать, отмечает С. Гордон.

Развивая идеи интеракционизма, А. Хохшильд утверждает, что эмоции имеют социальное значение и становятся символами, которые широко признаны и используются личностью для управления собой и выражения себя в социальном взаимодействии. Основными понятиями ее подхода являются эмоциональная работа и эмоциональное управление, что предполагает рассмотрение того, как в ситуации социального взаимодействия люди интерпретируют эмоциональные проявления, как они осуществляют процесс управления своими эмоциями, какие переживания являются уместными, а какие нет.

Анализируя проявления эмоциональной работы, Хохшильд рассматривает, как другие люди влияют на индивидуальные процессы контроля или управления эмоциями, в том числе социальные институты, и, более конкретно, коммерческие предприятия. Она утверждает, что выражение эмоций всегда является работой в том смысле, что происходит расходование человеческой энергии в демонстрации симпатии, доверия, добрых чувств в позитивных ситуациях (продажи в магазинах), или недоверия и подозрительности в негативных ситуациях (задержание полицией). При анализе того, как эмоциональная работа производится и структурируется, Хохшильд применяет понятия Маркса "потребительная стоимость" и "меновая стоимость". Эмоциональная работа в сфере частной жизни представляет собой потребительную стоимость, например, для поддержания и улучшения семейной жизни полезно проявлять любовь, нежность, и в то же время определенную степень жесткости и дисциплины. В коммерческом секторе, эмоции иногда могут быть проданы и иметь меновую стоимость - скорбь и сострадание (похоронные дома), тревога (страхование жизни), ностальгия (антиквариат), доверие и счастье (улыбки и поздравления в торговом центре).

Таким образом, Хохшильд различает понятия "эмоциональная работа" и "эмоциональный труд". В тех случаях, когда эмоциональная работа осуществляется в процессе продажи товара или в рамках оказания определенной услуги, то есть является предметом потребления (меновая стоимость), Хохшильд относит этот процесс к "эмоциональному труду" [9]. Работники некоторых специальностей в рамках своей профессиональной деятельности обязаны выражать определенные эмоции, например: врачи, медицинские сестры, социальные работники, официанты, служащие гостиниц, развлекательных и туристических сервисов.

Новые аспекты в макро- и микроанализе эмоций выделяет Р. Коллинз, демонстрируя синтетический подход, в котором одни из центральных процессов макросоциологии - общественный строй, конфликт и стратификация - опираются на основу микроуровня эмоций. "Есть некоторые причины, почему эмоции должны быть привнесены в центральные вопросы социологии. Что держит общество вместе - "клей" солидарности, и что детерминирует конфликт - энергия мобилизации групповых эмоций; таким образом, существует то, что работает для поддержания стратификационно-иерархических чувств: доминирования, подчинения, или обиды. Если мы можем объяснить условия, которые заставляют людей чувствовать эти виды эмоций, мы будем иметь главную часть основы социологической теории. Есть, конечно, структурная часть такой теории, и познавательная часть, но эмоциональная часть дает нам основу для реалистической теории с учетом динамики" [10].

Коллинз обращает внимание на эмоциональную энергию, которая возникает в результате взаимодействия в группе. Он указывает, что "эмоциональная энергия (сокращенно ЭЭ) перетекает из ситуаций, когда индивиды участвуют в интерактивных ритуалах, в ситуации, когда они находятся в одиночестве, и сохраняется здесь... Через какое-то время ЭЭ угасает; для ее возобновления индивиды вновь возвращаются к ри-

туальному участию, чтобы "подзарядить" себя" [11, с. 69]. Таким образом, ЭЭ заряжает индивидов подобно электрическим батареям, давая им соответствующий уровень энтузиазма по отношению к ритуально созданным символическим целям, когда эти индивиды находятся вне группы.

Для Коллинза, основой общественного строя являются солидарность (описанная у Дюркгейма) и моральные обязательства. Они проявляются в ходе "цепочек интерактивных ритуалов" на микроуровне, когда два или более актора сосредоточены на общей деятельности. При надлежащих обстоятельствах, переживаемое общее настроение приводит к ощущению единства среди акторов, как это показано Дюркгеймом при анализе религиозных ритуалов в маленьких группах "лицом к лицу". Конфликт, также основывается на эмоциях, поскольку он вовлекает мобилизацию чувства гнева в процессе противопоставления социальных интересов. И солидарность, и конфликт Коллинз объединяет в макро- и микроанализе стратификации.

По мнению Коллинза, успешные взаимодействия в сфере статус-власть порождают такие эмоции как энтузиазм, вера и ощущение значимого присоединения к группам, в которых была получена эмоциональная энергия. Неудачные взаимодействия порождают депрессию, затруднение и отчуждение от группы и её интересов.

Измерение "власть-статус" представлено в работах Т. Кемпера, который указывает, что социальные структуры дают начало определенным эмоциям (или, по крайней мере, их модальностям). Идея о том, что социальные структуры обуславливают определенные эмоции, основана на представлении, что человек является филогенетическим наследником набора первичных эмоций - опасения, гнева, радости и депрессии, которые служат эволюционным адаптивным потребностям, и что есть определенные неподвижные инвайронментальные обстоятельства, которые вызывают эмоциональный отклик. В современном обществе для людей главные неподвижные обстоятельства являются социальными, поэтому превратности социальных отношений окрашиваются эмоциями [12].

Власть понимается Кемпером как относительное состояние, в котором один актер фактически или потенциально заставляет другого актора делать что-то помимо его желания. Средства и методы власти включают как поведенческие проявления (повышение голоса, угоджающие жесты и т.п.), так и применение технологий манипулирования. Статус интерпретируется как относительное условие добровольного согласия с пожеланиями, интересами и просьбами другого человека. Один актер соглашается со статусом другого через действия, признающие его ценность [13]. Кемпер делает вывод, что вместе власть и статус составляют сетку социальных отношений, которая лежит в основе всех социальных взаимодействий, предоставляя человеку большее или меньшее количество эмоциональных ресурсов.

В современном социологическом дискурсе все чаще появляются работы, которые анализируют эмоции не в целом, а рассматривают вклад конкретных их разновидностей в развитие социальных отношений. Так Т. Шефф анализирует стыд и гордость, в которых он видит опоры социального контроля. Шефф предполагает, что в процессе филогенеза люди участвовали в более или менее бесконечном эмоциональном контроле чувств и их одобрении или неодобрении со стороны других членов социума. В результате люди не только знают реакции других, но также эмоционально реагируют, проявляя гордость в ситуации одобрения или стыд для неодобрения. Эти эмоции направляют человека по социально предписанной дорожке. В результате кумулятивного эффекта общий образец соответствия начинает преобладать в обществе, и возникает макрозффект. Общественный строй, таким образом, конструируется, соединяя общее количество индивидуальных случаев опыта гордости и стыда [14].

Работа Г. Шёка "Зависть: теория социального поведения" [15], рассматривает эмоцию зависти как первостепенную социологическую проблему и прослеживает ее социальные, культурные, политические, экономические последствия, возникающие в процессе сравнения человеком себя самого с другими людьми. Г. Шёк стремится доказать два тезиса: "...во-первых, зависть носит гораздо более универсальный ха-

ракти, чем это признавалось до сих пор, и, более того, исключительно зависть делает возможным какое бы то ни было социальное взаимодействие; во-вторых, ... зависть в качестве скрытой или явной точки опоры социальной политики носит куда более деструктивный характер..." [15, с. 14]. На многочисленных примерах, взятых из области культурной антропологии, автор демонстрирует, как многие социальные нормы регулируют, канализируют и умирят проявления зависти. Таким образом, чувство зависти является неотъемлемой частью социальных отношений. "Общество, в котором никогда не было бы причин для зависти, общество полного и постоянного равенства было бы неосуществимо даже в качестве теоретического эксперимента... Скорее, некоторые культуры могут с успехом пытаться достичь состояния, в котором значительная часть социальной активности может протекать так, как если бы зависти не было" [15, 51 - 52]. Зависть - это комплексное социальное чувство, представляющее собой комплекс эмоциональных переживаний и требующее серьезного социологического исследования. Работа Шёка отражает недостаток социологических работ, поскольку в большей своей части она опирается на культурно-антропологические и психологические исследования, а утверждения о воздействии зависти на социальные процессы и о процессах институционализации этого чувства порой носят умозрительный характер.

В российской социологии наибольшее освещение получила эмоция страха. Годы реформ определили именно это чувство как доминирующую реакцию населения на вызовы современной жизни. Естественно, что в процессе исследований динамики массового сознания, чувству страха посвящено большое число публикаций [16]. В труде "Катастрофическое сознание в России и за рубежом" коллектив авторов представил теоретическое осмысление значения социальных страхов, их функции и влияние на стратегии поведения, а также анализ тех изменений и сдвигов, которые произошли в массовых опасениях жителей России. Авторы делают вывод, что рост страхов и катастрофизм способствуют увеличению политического экстремизма и насилия в обществе и побуждают людей к совершению безответственных действий. Высокая степень катастрофизма сопровождается ростом этнического негативизма и ксенофобии, общей деморализацией, распространением дикого, асоциального индивидуализма и мистицизма, увеличением числа апокалиптических сект [17]. Одной из форм проявления страхов как реакции на реальные и потенциальные угрозы является кентавр-проблема, образы которой создаются под воздействием эмоциональной компоненты [18].

Для описания эмоциональных аспектов социума М. Урнов предлагает использовать концепцию "эмоциональной атмосферы", поскольку она лучше, чем, например, концепция "настроений", помогает осознать реальность того, что человек постоянно является объектом эмоциональных воздействий, влияющих на его мировосприятие и поведение. Урнов рассматривает эмоциональную атмосферу в политологическом аспекте и делает акцент на подробном рассмотрении её агрессивной составляющей. Эта работа заслуживает интереса не только политологов, но и социологов, поскольку вносит существенный вклад в понимание эмоциональных явлений как факторов, обуславливающих социальное поведение [19].

Представленная выше аналитическая ретроспектива социологических воззрений позволяет рассмотреть структуру чувствования (эмоций), выделив в ней две постоянные характеристики: эмпирическую и историческую. Структура реальной эмоции связана с особенностью коллективного исторического опыта и его влиянием на индивидов и группы. Её эмпирическое качество связано с феноменологией интересубъективного сознания и структурными интерактивными процессами, формирующими и трансформирующими его в социальные и культурные структуры.

Структуры чувствования порождаются социокультурными практиками общения, которые являются рефлексивным опытом коммуникации, лежащим в основе и стабильности, и изменения в человеческих обществах. Наблюдается единство эмоционального восприятия и языкового символа в формировании свойств рефлексивного исторического опыта. Представляется, что это позволит уйти от крайности и заменить

формулу базиса и надстройки более активной концепцией поля сил, взаимно детерминирующих друг друга. Важно, что с помощью понятия структур чувствования (эмоций) можно описать процессы непредсказуемых социокультурных изменений. Для социологии понятие структур чувствования делает возможным выявление реальных отношений в сознании. Оно позволяет описать и эмпирическое сознание конкретной социальной группы, и воображаемый мир. Особенно важным в этих изменяющихся структурах чувствования является то, что они часто опережают изменения в формальных институциональных отношениях.

Мы обратили внимание на близость понятия структур чувствования и концепции габитуса П. Бурдьё [20]. Габитус можно рассматривать как альтернативную формулировку практического сознания, которое действует согласно логике практики. Практическое сознание формируется в раннем детстве в семье посредством интернализации заданной совокупности материальных объективных условий и практик. Гипотетически эмоциональные эталоны, усвоенные в процессе социализации, входят в структуру габитуса, однако этот вопрос требует более детального исследования.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что эмоции всё чаще предстают в качестве той критической связи, которая соединяет микро- и макроуровни социальной действительности. Если большинство рассмотренных социологических подходов к эмоциям исследует социальные процессы и социальные отношения как независимые переменные, которые вызывают или производят эмоции, то, на наш взгляд, эмоции также могут вызывать или производить социальные процессы и социальные отношения. В этом плане при исследовании эмоций требуется придерживаться следующих принципов: 1. Для раскрытия макросоциологического аспекта эмоций важно выявить связь эмоций с социальными структурами и процессами. 2. Внимание исследователя должно быть сосредоточено на конкретных эмоциях, поскольку понятие "эмоция" -это абстрактная категория. В социальном взаимодействии проявляются определенные эмоциональные переживания, например гнев, отчаяние, радость и т.п., именно они проявляются в реальных переживаниях и конкретных действиях, играя существенную роль в социальных процессах. 3. В сфере исследовательского интереса должен быть весь спектр эмоций: как яркие проявления, так и эмоциональный фон; как соответствующие норме, так и выходящие за неё (патологические).

С нашей точки зрения исследование эмоций в социологической перспективе встречает много препятствий потому, что в социологии большой вес имеет традиция, утверждающая: основой действий социальных акторов является рациональность в определении целей и их достижении, в рамках социальных ролей, норм и ценностей. Однако противостояние эмоционального и рационального связано с общими тенденциями общественного развития, которое представляет собой процесс возрастания рациональности. Утверждение рыночного общества, насаждающего инструментальную ориентацию и вытесняющего из жизни эмоции, привело к удалению эмоциональных категорий из рационалистически ориентированного социологического дискурса. Большое значение имело разделение семьи и работы: рациональность связывалась с работой, а эмоции - с семьей; а так как домашняя деятельность имеет невысокую рыночную ценность, то и связываемые с ней эмоции обесценивались.

Мы отстаиваем точку зрения, что ресурсы, знание и смысл - недостаточные основания для действия. Эмпирические данные убедительно доказывают, что человеческая рациональность и, более широко, принятие решения зависят от эмоций. Простейшие опыты с применением аутотренинга в решении задач разной сложности показывают, что минимизация эмоционального возбуждения приводит к блокированию сложной интеллектуальной деятельности - участники эксперимента в расслабленном, "неэмоциональном" состоянии оказывались не в состоянии решить задачи более сложные, чем примеры из таблицы умножения. И, наоборот, при предъявлении набора задач разной степени сложности и креативности именно наиболее сложные и творческие задания сопровождалась интенсивной "эмоциональной активацией" [21, с. 93]. Таким образом, чтобы действие реализовалось, необходима эмоция как переживание готов-

ности действовать. Эмоции не могут быть полностью заменены разумом уже потому, что их отсутствие угнетает мыслительные процессы, делает человека интеллектуально бездеятельным и лишенным четко выраженных интересов.

Эмоции не только служат для оценки акторами обстоятельств действия, но и обеспечивают готовность акторов действовать исходя из этой оценки. Принятие этой точки зрения заставляет обратить внимание на теорию действия в трактовке М. Вебера. Если в основе действия, в конечном счете, заложены эмоции, то аффективный базис имеет не только аффективный тип действия, но и любой другой тип социального действия; тогда противопоставление рационального и эмоционального теряет смысл.

На современном этапе развития общества происходит осмысление влияния эмоций не только на социальные процессы, но и на экономические. Так, на смену модели "рационального оптимизатора" приходят представления о человеке как о носителе особой логики - логики эмоций, пристрастий и впечатлений. Особенно выразительной в заявленном контексте выглядит "теория перспектив" Д. Канемана (лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 г. за исследование закономерностей принятия инвестиционных решений в условиях неопределенности). Согласно этим исследованиям, большинство управленческих решений, в том числе и стратегических, принимаются в результате иррациональных эмотивных процессов. Когнитивная (рассудочная) составляющая играет подчиненную и второстепенную роль. Эмоциональный фон недоверия и опасения субъективно преувеличивает риск и вероятность потери инвестированных средств. При этом именно эмоциональный фактор зачастую приобретает решающую роль в мотивации экономического поведения потенциального инвестора. Это означает, что при построении моделей экономико-технологического развития на любом уровне необходимо учитывать "человеческий фактор", включая глубинные бессознательные процессы эмоционально-образного мышления [22].

В этом плане, на наш взгляд, эмоцию (эмоциональное состояние) можно рассматривать как характеристику информационного потока, проходящего в данный момент через контактную границу индивидуума и социума. Рассмотрение политических, экономических и социально-психологических процессов с единых позиций - как движение информационных потоков - необходимый шаг к теоретическому обоснованию модернизации экономики и общества сегодня. Рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть методики включения эмоционального фактора в модели экономического поведения, но традиционный подход, в котором политические и экономические решения выглядели плодами рассудочного поиска оптимального распределения ресурсов, очевидно, исчерпал себя.

В нынешних процессах управления эмоции приобретают растущее значение, по меньшей мере, по двум взаимосвязанным причинам: в связи с возрастанием их роли в формировании социально-психологического климата организации и очевидной, как нам представляется, недооценкой их истинной значимости в становлении межличностных отношений. Пока что обширные возможности повышения качества общения путем соответствующего воздействия на эмоциональное состояние и поведение людей используются недостаточно. Современные условия труда и практики управления ужесточают требования к тому, чтобы руководители лучше умели использовать эмоциональные реакции для повышения качества общения, понимать цену обстановки взаимного уважения и доброжелательности, берегущих человеческое достоинство, вселяющих в людей уверенность в своих действиях и нейтрализующих отрицательные эмоции. В связи с этим в последние годы успешно развивается концепция эмоционального интеллекта.

Конечно, желательно, чтобы большинство решений принималось скорее рационально, чем на основе чувств. Но решение, игнорирующее чувства людей, может быть воспринято недоброжелательно и привести к неблагоприятным последствиям. Эмоции не могут быть полностью заменены разумом уже потому, что их отсутствие угнетает мыслительные процессы, делает человека интеллектуально бездеятельным и лишенным четко выраженных интересов. Только испытав определенную эмоцио-

нальную оценку, человек приходит к соответствующим умозаключениям и принимает решение относительно дальнейших действий, следовательно, эмоции подсказывают линию поведения. Причём функции эмоций простираются значительно дальше, чем это полагали ещё в недалеком прошлом.

Итак, анализ показывает, что эмоции - это специфическая форма социальной действительности. Они являются как результатом социально-структурных и культурных отношений, так и обладают возможностью их вызывать, или производить. Социологический подход к эмоциям не только углубляет понимание эмоций, но и обогащает наше знание о социальной структуре, процессах управления и трансформациях в нашей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История социологии в Западной Европе и США. М.: Изд-во НОРМА, 2001.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
4. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
5. Зиммель Г. Избранное. В 2-х т. М.: Юрист, 1996.
6. Элиас Н. О процессе цивилизации: в 2 т. М., СПб., 2001.
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: "Наука", 2007.
8. Gordon S. Social Structural Effects on Emotions // Research Agendas in Sociology of Emotions / Editor T.D. Kemper. State University of New York Press. 1987. P. 145 - 179 [Электронный ресурс <http://books.google.com/>]
9. Hochschild A.R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley, University of California Press, 1983.
10. Collins R. Stratification, Emotional Energy, and the Transient Emotions // Research Agendas in Sociology of Emotions / Editor T.D. Kemper. State University of New York Press. 1987. P. 27 - 57 [Электронный ресурс <http://books.google.com/>]
11. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
12. Kemper T. Social Relations and Emotions: A Structural Approach // Research Agendas in Sociology of Emotions / Editor T.D. Kemper. State University of New York Press. 1987. P. 207 - 237 [Электронный ресурс <http://books.google.com/>]
13. Kemper T. Social Models in the Explanation of Emotions // Handbook of Emotions / Editors: Michael Lewis, Jeannette M. Haviland-Jones. New York: The Guilford Press. P. 45 - 58. [Электронный ресурс <http://books.google.com/>]
14. Scheff T. Socialization of Emotions: Pride and Shame as Causal Agents // Research Agendas in Sociology of Emotions / Editor T.D. Kemper. State University of New York Press. 1987. P. 281 - 304 [Электронный ресурс <http://books.google.com/>]
15. Шёк Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008.
16. См. напр.: Ядов В. А. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания // Социологический журнал, N 3, 1997; Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи, тревоги, способность противостоять им / Россия трансформирующееся общество. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 348 - 358; Витковская М. И. Теоретико-методологические проблемы изучения страха в социологии // Вестник РУДН. 2003. N 4 - 5. С. 86 - 91; Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи и тревоги россиян. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004; Чего опасаются россияне? М.: Институт социологии РАН, 2008; Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
17. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / Под ред. В. Шляпентоха. М.: МОНФ [и др.], 1999.
18. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2008.
19. Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект-Пресс, 2008.
20. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
21. Цит. по: Бреслав Г. М. Психология эмоций. М.: Смысл, 2006.
22. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. N3. С. 31 - 42.